

Личико Бай Жуна сморщилось, точь-в-точь увядший, покрывшийся трещинками мандарин. Он сидел, уныло повесив голову, и долго-долго размышлял, пока наконец не сформулировал для себя две рабочие гипотезы.

«Предположение первое: прикосновения Хуаэрдэ — или любого другого постороннего — попросту сжигают ту энергию, которую я уже успел накопить от Му Чунъяня.

Предположение второе: я могу поглощать энергию для роста только от одного-единственного источника за раз. Стоило Хуаэрдэ коснуться меня, как подпитка от Му Чунъяня заблокировалась. При этом сил, которые я способен вытянуть из Хуаэрдэ, гораздо меньше, чем у моего господина. Ну а почему их меньше — это уже совсем другая история...»

Тяжко, со всей скорбью умудренного опытом мудреца вздохнув, Бай Жун еще отчаяннее пожелал, чтобы Му Чунъянь поскорее поправился и увёз его отсюда.

Громкое, раскатистое урчание в животе бесцеремонно нарушило его меланхоличный настрой. Бай Жун смущенно покраснел, быстренько сполз с кровати и побежал умываться, а затем принялся за завтрак. Он как раз возился у плиты, когда снаружи послышались незнакомые шаги. Они приближались, пока не затихли у самого кристально-стеклянного бокса.

Бай Жун замер и украдкой зыркнул в сторону. За стеклом стояла мать Му Чунъяня. Женщина выглядела крайне взвинченной и с раздражением тыкала в экран терминала на запястье.

— Бит, ты в конце концов готов или нет?!

Неизвестно, что ответил собеседник, но брови женщины гневно взлетели, а голос сорвался на визг:

— Что?! Ты до сих пор не закончил?! Жди трибунала! И не смей оправдываться, что это «не твоя вина»! Обо всем было сказано еще неделю назад, а ты заставляешь меня ждать еще двадцать дней? Бит, твоя некомпетентность просто смехотворна! Молись, чтобы первый этап плана поскорее принес плоды, иначе...

Бай Жун так и стоял с лопаткой в руке, прислушиваясь к яростной перепалке за стеклом. Но, сколько ни вникал, сути дела так и не уловил. Махнув рукой, он вытащил из печи аппетитно шкворчащий стейк, переложил на тарелку и уселся за стол.

Но не успел он расправиться и с половиной порции, как мир за пределами бокса снова погрузился в непроглядную тьму...

На этот раз темнота рассеялась лишь спустя час. И первым, что увидел Бай Жун, когда за

стеклом снова вспыхнул свет, был лежащий на больничной койке Му Чунъянь. Тот был смертельно бледным. Сердце крохи испуганно сжалось.

— Му Чунъянь! — Бай Жун бросился к кристально-стеклянному боксу, вцепился пальчиками в перегородку и закричал во весь голос: — Тебе лучше?! Ты меня слышишь?!

Глядя на искреннюю тревогу своего маленького звёздного питомца, Му Чунъянь почувствовал, как к сердцу подкатила теплая волна, смывая остатки боли. Голос его прозвучал непривычно мягко:

— Всё хорошо, со мной всё в порядке.

Повернув голову к стоявшей у изголовья женщине, он негромко добавил:

— Спасибо, мама.

Выглядела мать Му Чунъяня по-прежнему мрачной.

— Если действительно хочешь отблагодарить меня, делай всё, что говорит доктор Вэйласы, и не смей прерывать лечение.

— Конечно, мама. Не волнуйся.

Мать Му Чунъяня пробыла в палате недолго. Стоило дверям за ней закрыться, как от былой робости Бай Жуна не осталось и следа. Он снова прильнул к кристально-стеклянному боксу, прижавшись к нему лицом так сильно, что нос и щеки забавно расплющились о кристальное стекло.

— Му Чунъянь! Му Чунъянь, сильно болит?..

Вид этого заплаканного, полного искреннего сострадания маленького звёздного питомца вызвал у Му Чунъяня щемящую нежность.

— Всё позади. Не плачь, малыш, мне совсем не больно.

— Как это не больно? — Бай Жун окинул взглядом его торс, забинтованный до самых подмышек, точно кокон, и сам невольно вздрогнул, будто почувствовав эту режущую боль. Шмыгнув покрасневшим носом, он прошептал: — На тебе же живого места нет... Наверняка ужасно болит.

— Глупости. Ни капли не болит. Честно. Тебе не о чем беспокоиться. — Смотреть на терзания

крохи было невыносимо. Му Чунъянь попытался улыбнуться, но сухие, непослушные губы едва шевельнулись, выдав лишь слабую гримасу.

— Врунишка... — Бай Жун прижал ладонки к стеклу и тихонько погладил его, словно пытаясь через преграду унять чужую боль. — И когда... когда тебе разрешат вставать?

— Дня через три, думаю. А что такое?

— Тогда... ты бы мог перенести меня к себе на подушку, — кроха смущенно поерзал ладонками, и его пухлые щечки порозовели. — Я бы лежал рядышком и никуда не уходил.

Взгляд юноши потеплел еще сильнее, а голос стал тихим-тихим, почти невесомым:

— Хочешь поговорить со мной?

— Не только поговорить! Я... я могу спеть тебе! — Бай Жун потер покрасневшее личико, и в его влажных, темных глазенках вспыхнула решимость. — Когда на душе весело, любые раны затягиваются быстрее. Я буду петь, а ты — поправляться. Вот увидишь, так дело пойдет куда быстрее!

От этих простодушных, заботливых слов в груди у Му Чунъяня разлилась такая благодать, что, казалось, даже дышать стало легче. Он завороченно смотрел на своего маленького звёздного питомца, и на его суровом лице наконец-то проступила настоящая, пусть и едва заметная улыбка.

— Хорошо. Договорились.

Бай Жун так и замер, удивленно распахнув глазенки. Кончики его ушей мгновенно запылали. Надо же... он и подумать не мог, что у этого холодного, сурового человека может быть такая невероятно мягкая, красивая улыбка.

— Я... я выберу самые лучшие, самые любимые свои песни! — Кроха воинственно потряс кулачком. — Ты просто обязан быстро поправиться!

— Ловлю на слове, — разглядывая взъерошенного, воинственного «тигрёнка», Му Чунъянь спросил: — А сам-то ты завтракал?

— Еще нет... — Бай Жун сиротливо погладил себя по животику и с надеждой уставился на хозяина. — А тебя покормили?

— Да, обо мне позаботились. Так что давай, беги на кухню, а как наешься — возвращайся.

— Ладно! — Бай Жун усердно закивал, отчего круглые тигриные ушки на его макушке забавно затрепетали. — Жди меня, я мигом! Набью пузо и сразу к тебе — петь песни!

— Иди, — тихо отозвался Му Чунъянь.

Он долго провожал взглядом пушистый комок, улепетывающий на коротких лапках в глубь своей игрушечной виллы, и тепло в его глазах еще очень долго не угасало.

Однако, когда Бай Жун, наскоро проглотив завтрак, примчался обратно, парень уже крепко спал. Глядя на его бледное лицо и безжизненные, бескровные губы, кроха печально опустил на пол прямо у стекла.

«Эх, если бы у меня была карта, способная мгновенно залечивать такие раны...»

Богатырский сон Му Чунъяня затянулся на целых три дня. Всё это время палата напоминала проходной двор: врачи и медсестры бесконечно сменяли друг друга, брали у него кровь на анализы, ставили бесконечные капельницы и вводили холодные, зловещего вида препараты. Бай Жун часами просиживал у самого края своего кристально-стеклянного бокса, не сводя глаз с постели больного и мысленно умоляя все высшие силы о его выздоровлении.

Лишь к исходу третьих суток Му Чунъянь окончательно пришел в себя. После очередного раунда суеты и бесконечных тестов доктор Вэйласы наконец вынес вердикт: кризис миновал, здоровью пациента больше ничего не угрожает, и после двухнедельного курса поддерживающей терапии его можно будет выписать.

Едва заверив эскулапов, что чувствует себя превосходно, Му Чунъянь без лишних церемоний выставил весь медицинский персонал за дверь.

Как только палата опустела, парень поднялся на ноги и уверенно зашагал к кристально-стеклянному боксу. Бай Жун, у которого от волнения глаза снова были на мокром месте, всполошился:

— Ты куда?! Зачем встал? Живо в постель! Тебе лежать надо!

— Всё в порядке, — Му Чунъянь спокойно отодвинул верхнюю крышку бокса, опустил ладонь внутрь и бережно подхватил кроху. — Я действительно в норме.

— Какое «в порядке», ты же только глаза открыл! — не унимался тот.

В глубине глаз Му Чунъяня на мгновение промелькнула мрачная тень — видимо, он вспомнил что-то неприятное, и черты его лица на миг ожесточились. Однако стоило ему перевести взгляд на своего взволнованного звёздного питомца, как лед в глазах мгновенно растаял.

— Не тревожься. Худшее позади.

Бай Жун обеими ручонками обхватил его большой палец и преданно прижался к нему щекой.

— Пожалуйста, поправляйся поскорее.

Ощувив ласковое прикосновение крошечной теплой щечки, парень окончательно оттаял.

— Обязательно. Ну так как, ты, кажется, обещал мне что-то спеть?

— И спою! — гордо заявил Бай Жун, когда его бережно опустили на мягкую подушку рядом с головой юноши. Он воинственно притопнул ножкой. — Заказывай, что твоей душе угодно.

Устраиваясь поудобнее, Му Чунъянь с улыбкой спросил:

— А какой у тебя репертуар?

— Да я вообще всё могу! — Бай Жун перебрался к нему на плечо, довольно зажмурился и похозяйски устроился поудобнее. — За эти три дня я столько местных хитов выучил — закачаешься! Хотя... моя старая любовь всё равно вне конкуренции.

— И что же это за «любовь»?

— Секрет! — Бай Жун заговорщицки подмигнул и лукаво прищурился. — Шедевры исполняют на бис, под конец. Так что давай сначала я спою то, что выучил недавно?

В голосе Му Чунъяня отчетливо слышался смех:

— Ладно, уговорил. Валяй.

Кроха мысленно пробежался по списку заученных за эти дни треков и остановил выбор на абсолютном хите, который сейчас гремел на всех радиостанциях Шэнья.

Он важно откашлялся, чувствуя, как к щекам приливает румянец. Всё-таки выступать перед публикой ему еще не приходилось.

— А-а-а-а-о-о! А-а-а-а-о-э-э! А-сайда, а-сайда, а-сайда-гэда-гэдо-о-о! А-сайда, а-сайда-гэдо-о... А-а-а-а-а-я-ё... а-я-ё...

От этих диких, умопомрачительных рулад у Му Чунъяня заложило уши. Глядя на то, как

маленький звёздный питомец, вытянув шею и до багрового румянца надувая щеки, самозабвенно выводит невообразимые коленца, парень впервые в жизни почувствовал непреодолимое желание расхохотаться во весь голос. Потребовалось колоссальное усилие воли и вся его хваленая невозмутимость, чтобы удержать лицо и не выдать себя.

В конце концов, кроха так старался ради него.

Было бы верхом жестокости взять и разрушить этот трогательный порыв.

<http://bllate.org/book/19815/2134287>